Кумарбек ОМАРОВ

ЗАХОРОНЕНИЕ НА ПЕРЕВАЛЕ

Этот перевал знаком всем жителям села Черновая, так как здесь проходит дорога к джайлау. Чабаны, скотники, табунщики и даже простые проезжающие обязательно переночуют здесь. Конечно, только летом. Зимой перевал закрыт. Суровая катон-карагайская погода метровым снегом накрывает дорогу жизни, но охотникам это не помеха. Прославленные охотники, которые часто бывают в этих краях, и возвели здесь разные жилища, рубленные маленькие шалаши, укрытия из камней. Они такие «скелеты» накрывают шкурами добытых при охоте маралов, медведей, но в основном преобладают шкуры волков. Этих коварных и хитрых зверей никто, наверное, кроме Создателя, не любит. А как их любить-то? Они внезапно появляются в большом количестве в зонах несчастья, где царит голод и разные болезни.

Во время войны волки как будто знали, что людям не до них, и уничтожали скот даже днем, не боясь людей. Специально созданная бригада охотников на законных основаниях отстреливала их. Вот почему было много шкур волков, чтобы укрыть шалаши. В некоторых из них были внутри сложены каменные печки, просто сложены, без каких-либо замазок. Охотники и другие люди, кому приходилось жить здесь, бережно относились ко всему, что было внутри этих нехитрых домиков: соль, спички, кружки, чайник и другие вещи, которые были припрятаны от зверей и от мелких грызунов. Людям всё было доступно, без проблем. В шалашах было всё необходимое для путников. Все желающие пользовались этим, а перед уходом оставляли свои излишние продукты. Таким образом люди создавали вечный запас, пользуясь и пополняя. Никто не нарушал традицию кочевников.

Особенно часто бывали здесь люди в охотничий сезон и сезон сбора кедровой шишки. Если приходили сюда собирать шишки, то оставались ненадолго: собрали здесь и уходили в другое место, а профессиональные охотники, такие как Камали и Камза, оставались на перевале на два месяца и лишь потом переезжали в Караайрык, после в Каратас.

Поднявшись на перевал, Камали увидел, что в их шалаше горит свет. Он никогда так не радовался, как сейчас. Его опередил друг, брат, учитель, бывалый охотник – Маленький Камза. Это его прозвище, так как в их селе Черновая три человека носили имя Камза. Одного звали Большой Камза, а вот его другу за малый рост досталось такое. Мал ростом, но весь жилистый, верткий и очень ловкий. Ко всему этому был он хорошим семьянином. Жена народила ему кучу детей. В селе имел хороший добротный дом, а хозяйством занимался его старший сын Мадигалым. Он работал на две семьи, так как отец дома часто не бывал, ведь охотник. Большая, дружная семья Камзы жила в достатке. Хотя не все семьи жили хорошо, многие еле-еле выживали. Время было послевоенное, людей душили налогами, обязывали сдавать яйца, молоко, даже тех, кто не имел двух или трех коров и несколько голов курицы. В такое тяжелое время охотники добывали колхозу пушнину, отстреливали волков, которые приносили много ущерба животноводам. А в этом году численность хищников увеличилась: по сведениям охотников Горного Алтая, в связи плохими погодными условиями их волки перебрались на Катон-Карагайские земли. Поэтому охотников снабдили в достаточном количестве патронами, порохом и обе-

спечили продуктами: пшена, муки выдали больше положенного, и они часть оставили семьям.

Камали, не дождавшись друга, выехал на место, где они должны были остановиться на время охотничьего сезона, на перевал, где находилось древнее захоронение, а теперь видит, что Камза опередил его. Камали так обрадовался, как до этого не бывало. Привязав лошадь, прихватил коржын, полный всякими яствами, в одну руку, а другой еле поднял десятилитровую канистру со спиртом. Ногой открыл дверь шалаша. Всё, что занес, оставил на пороге и кинулся в объятия Камзы, который опешил – никогда Камали так не поступал. Они какое-то время крепко, по-мужски, ударяя друг друга по плечам, общались. Оба скрывали слёзы, которые потекли из глаз.

– Ладно, всё, Омаров, теперь попируем и спать. Как скажешь, брат?

– Камали, я что-то тебя сегодня не узнаю, что стряслось, а?

– Да так, когда увидел, что в нашем шалаше свет горит… ведь когда с тобой разговаривал в последний раз, вроде или мне показалось, или... Всё. Дальше не говори брат, я здесь.

Как никогда, они вдвоем почти до рассвета ели, пили, разговаривали на разные темы, строили планы, как будут охотиться. На утро вчерашнюю нагрузку легко перенесли, они ведь охотники. Легко позавтракав, не забывая традицию, пошли окультуривать место захоронения, убрали камни. Если не люди, то разворошить могилу могли медведи: когда у них брачный сезон, они часто применяют такие выходки, демонстрируя свои силы перед самками. Бывает, и люди напакостят, в общем, кто бы ни был, Камали и Камзе надо поправить их оплошность. Последовала долгая кропотливая работа. Оба, поднимая тяжелые камни, пыхтели, ахали и охали. Бывало, разгибали спины, но не жаловались. Здесь надо отдать должное Камзе – что ни говори, на десяток лет старше Камали, но, стиснув зубы, старался не отставать от своего названого брата. Через некоторое время два охотника, как будто договорились, одновременно бросили работу и присели отдохнуть, протирая вспотевшие лица рукавами. Придя через некоторое время в себя, Камза засуетился, вел себя странно. Камали понял его и спросил:

– Брат, ты хочешь спросить у меня о чем-то? Спроси, отвечу

– Да нет, Камали, я просто так... ну, в общем... понимаешь... Ладно, спрошу. Камали, когда мы здесь бываем, ты в первую очередь берешься ухаживать за этим захоронением. Вот я и подумал: может, здесь захоронены твои родственники? А может, друзья? Близкие? Мне просто интересно узнать... вот и всё!

– Ты прав, я знал, когда-нибудь ты задашь этот вопрос, и я хотел сказать тебе, брат, но как-то не получалось. Теперь слушай, брат, подвинься ближе ко мне.

Камза быстро выполнил указание Камали, так как для маленького, юркого, очень подвижного охотника это было делом считанных секунд.

– Вот, я теперь совсем рядом, можешь говорить.

– Хорошо, что подвинулся, а теперь слушай! Дело было так. Когда ты отсутствовал по известным причинам, мне было тяжело, не знал, с кем на пару пойду на охоту. И вообще с кем буду делить свои радости и горе. Перебрал всех, с кем пойти на «разведку». Орикбай – очень надежный человек, но, ты сам знаешь, с ним много не наговоришь, как знаешь, охота охотой, а ведь мы не волки, человеку нужно отвлечение, поговорить по душам, поесть и, если надо, не перебарщивая, выпить, ведь это не грех. Мы, охотники, когда преследуем волка или другого зверя, обо всем забываем, все умы сосредоточены на звере, куда, в какую сторону пойдет, ведь зверь тоже хочет обмануть преследователя. Кто хочет умирать? Не знаю я волчий язык, не изучал, и не знаю, о чем они думают. Я знаю одно: наверное, думает, как и мы. Человек хочет добыть зверя, а зверь просто так не хочет отдать свою жизнь.

– Я перебью тебя, Камали, я тоже кумекаю, как ты, ведь они тоже не от хорошей жизни истребляют колхозных животных. В этом году снега мало, а дикие звери не всегда становятся жертвами волка. А колхозное стадо никуда не убегает, и обмануть чабана им легко, они ведь идут на охоту не в одиночестве, а коллективом, одни показываются чабанам, скажем, с востока отары, а другие – с запада. Вот и дилемма чабанам, как защищать отару. И наступает беда: волки перехитрили чабана и уносят барана.

– Что и я хотел, брат, сказать, если бы ты тогда был со мной, случая, о котором я расскажу, не было бы. Может, всё, что делается, к лучшему, я не зря говорил, меня окружают неплохие люди, я им доверяю, уважаю их, и они отвечают тем же. Но в тот год на охоту я пошел один. Орикбай намекал, чтобы я пошел с ним на пару. Молодежь, в лице Чокния, тоже просилась, но я вежливо отказал, так как хотел, наверно, испытать себя, как охотника, без тебя, брат.

– Ты даешь, Камали! Ты настоящий охотник, с большой буквы! Я только тебя поддерживал и иногда делился опытом. Охота дело тонкое. Не каждый достоин этого промысла. И еще, союз охотников важнее всего, я слушал тебя и внутри радовался, что ты всегда искал меня, спасибо тебе, Камали. Ты меня не разочаровал.

– Ты настоящий друг, брат, и поэтому, несмотря ни на что, я здесь, и дай Бог, нас может разлучить только Всевышний.

– Да! Малость устали, разговаривая, не заметили, как перенесли ту груду камней, пора, думаю, нам подкрепиться, а то не сможем сегодня закончить эту работу. И еще... Камали, ты хотел рассказать, чья это могила, но так и решил, что я забуду.

– Ты что, брат, на ходу всё не расскажешь. Для этого надо, чтобы ты на закуску вытащил гостинцы для меня от женгей. Тоже хитришь, чтобы потом втихаря съесть под корпешкой?

– Извини, Камали, я вообще забыл об этом. Ты ведь не дал время... Всё, всё бросаем, пойдем перекусим, чтобы потом не сказал, что я не угостил тебя яствами, которые отправила твоя женгей.

– Хорошо, я согласен. Давно бы так.

И оба брата пошли в сторону шалаша. Перед едой, как положено, за здравье пропустили по граненому, поели плотно, поговорили о том, о сем, не заметили, как заснули.

Первым проснулся Камза. Быстро собрал на ужин дастархан и разбудил Камали:

– Брат, вставай, мы с тобой всё проспали. Перекусим слегка, быстро дособираем на могилу камней, чтобы завтра с утра пойти на охоту.

Протирая глаза рукавом рубашки, Камали сел за стол. Быстро поев, пошли работать и вскоре всё закончили.

– Камали, я думаю, мы с тобой справились с задачей, неплохо получилось. Смотри, оказывается, мы неплохие каменщики. Мы как бы памятник соорудили над могилой, теперь спите спокойно, нас не трогайте, вы, наверно, свое всё сделали, а мы пока нет.

– С кем ты, брат, разговариваешь?

– С твоими родственниками.

– Какими моими родственниками?

– Все говорят, что здесь покоятся твои дальние родственники.

– Вот народ, придумывают всякую всячину. Причина, по которой я это делаю, касается только меня.

– Камали, ты и мне не доверяешь?

– Брат, мне неудобно признаться в произошедшем. Если не расскажу, думаю, обидишься, в этом я уверен.

– Я так и знал, ты доверишься мне, брату, я слушаю, рассказывай.

– В общем, так: в тот день я решил добыть несколько зайцев – кончилось мясо марала, который, спасаясь от волков, попал в капкан браконьеров, а мне посчастливилось найти его первым. Вот я и иду не торопясь, оглядываясь по сторонам, наготове держу берданку и штык, ты знаешь, он всегда у меня на поясе. Вдруг из-за куста выскакивает довольно большой беляк и дает деру в сторону скалы, где мы с тобой сегодня таскали камни.

– Причем тут скала, камни?

– Брат, выслушай сперва, терпение, брат!

– Хорошо, я слушаю.

– Я, не торопясь, достал карабин и прицелился. Только хотел нажать на курок, как в прицеле оказался волк. Много волков повидал, ты знаешь, а такого огромного зверя увидел впервые! В первый момент растерялся и упустил время нажатия на курок, а лютый зверь тоже заметил меня и, отказавшись от преследования зайца, пошел в мою сторону.

– Какая тварь, не побоялся человека! Но он видел тебя?

– Еще как видел! Между нами было-то где-то метров двадцать. Я прицелился и выстрелил, был уверен, что попал.

– Брат, как после выстрела вел себя волк?

– Не издал ни звука и, припадая на одну ногу, исчез за бугром, а там дальше крутой обрыв, заросший кустарниками. Я был уверен, что убил матерого зверя, не спеша достал из ножен штык и пошел снимать шкуру, но не тут-то было. Только обогнул скалу, как волк набросился на меня. Если сказать честно, я не ожидал и не был готов к схватке со зверем, да еще таким.

– Камали, ты что мне рассказываешь байку, ты ведь хотел открыть истину, кто похоронен здесь, а ты?

– Какой же ты нетерпеливый, брат, наверно, стареешь?

– Может, и так, но и терпению бывает предел.

– Каке, если не расскажу эту историю с волком, я не смогу объяснить. Всё связано с этим случаем.

– Извини, тогда валяй!

– Я опешил, ничего не мог предпринять, только оставалось крепче держать штык, направив его в сторону волка. Напал на человека! Где это видано?

– А что ты хотел, ты думал, он попросит прощения у тебя? «Извини, Камали, что я на тебя напал». Пойми, ведь жизнь и человеку, и зверю дорога. Никто не хочет просто так расставаться с ней, здесь-то и лежит причина нападения зверя на человека. Такая сила жизни, впредь будем осторожны на охоте.

– Дальше слушай. Волк как бы обнял меня, а я не смог удержать равновесие и попятился, и вместе со зверем мы сорвались в обрыв, около пяти метров пролетели в обнимку. Не стану врать, Каке! Когда очнулся, рядом лежал мертвый волк, кровь его уже успела высохнуть, значит, я пробыл без сознания довольно долгое время. Собрав все силы, я встал. И что увидел? Волка как будто специально оттащили в сторону от места, где я упал. Там вроде аккуратно убрано. Как бы дали мне пространство, чтобы я не задохнулся, ведь я помню, что лежал под телом волка. А когда опомнился, как я сказал, всё вышло в мою пользу. Всё тело болело, как будто трактор прошелся по мне, осмотрелся – оказывается, всё произошло вот здесь, где мы с тобой сидим и отдыхаем.

– Камали, не тяни, в конце концов скажешь или нет, кто захоронен здесь, если не твои родственники? Почему меня считаешь дураком? Ты рассказываешь какие-то сказки, а я, развесив уши, сижу и слушаю. Ты знаешь мой характер, не посмотрю, что ты мой самый близкий друг и названый брат, сейчас же соберусь и уйду, поселюсь в другом месте.

– Говорят же, маленькие ростом люди бывают нетерпеливыми, вспыльчивыми. Ах, народ, от людей ничего не скроешь, и что они говорят, я расскажу, слушай, брат. Люди говорят: твой брат Камза, мол, наверное, стареет, слушается только тебя, скажи, не уезжай, брат, – он остановится. Так что, брат, будь терпелив, я дорасскажу. Точно никто не знает, кто похоронен здесь, но есть одна версия.

– Что? Какая версия, Камали?

– Ты меня будешь слушать?

– Куда я денусь, это я хотел тебя пугнуть, может, тогда, не затягивая, расскажешь историю этого захоронения.

– В общем, так, слушай дальше. Когда я лежал в «объятиях» зверя, ко мне приходили люди. Кто они, я не запомнил, врать не буду, всё было как в тумане, они, а может, он, помогли мне, чуть оттащили зверя от меня, чтобы, наверно, не задохнулся от его объятий, меня уложили поудобнее, кажется, даже дали выпить воды. Когда я проснулся и встал, первым делом начал искать этих людей, но тщетно.

– Может, Камали, тебе приснилось или показалось?

– Не знаю, но тут я увидел приближающихся ко мне людей. Потер глаза, думаю, может, галлюцинация. Но передо мной стояли аксакал Балгынбай со своей женой Зылихой. Если честно, впервые в жизни по-настоящему испугался, брат. Ты знаешь, что по необходимости всегда ночую на кладбище, отец всегда говорил, сынок, не бойся мертвых, а надо бояться живых, так что я всегда придерживался этого высказывания отца.

– Кто, кто, а я знаю, что ты никогда не боялся мертвых, а сейчас удивляюсь твоим высказываниям, откуда они появились? Ты их потрогал, может...

– Что может, брат? Мы поздоровались, в обнимку, они настоящие.

Балгынбай даже спросил:

– Камали, что, ты не узнаешь нас? Это мы всё лето гостили то у одного, то у другого чабана, нас поили, кормили, одежонками помогли, вот Таран козу подарил, вот шли домой в Черновую, устали, думаем, здесь переночуем, и увидели тебя. И еще есть одна причина, остановившая нас, – это могила, малость надо привести в порядок, целый год прошел, как не были здесь, раньше бывало часто приезжали.

– Если не секрет, скажете, кто здесь захоронен, Баке?

– Почему не рассказать, секретов нет, здесь лежит мой прадед по имени Орхан. Я соорудил за каменной скалой шалаш, от глаз людей скрытый, даже ты, бывалый охотник, не заметил, значит, я искусный строитель тайных жилищ. Здесь мы с Зылихой проживаем иногда всё лето, ты сам знаешь, Камали, здесь нам лучше, чем в селе, там, в землянке, бывает сыро, зимой холодно, благо что сосед Коротков Иван и его семья нам шибко помогают и сельчане многим делятся с нами, спасибо им.

– Баке, вы здесь людей не видели, которые мне помогли?

– Кто тебе помогал? Мы видим, что ты сильный, здоровый стоишь перед нами. О какой помощи ты говоришь, Камали?

После слов Балгынбая я понял, что они ничего ни видели, обрадовался, а то бы стал посмешищем сельчан, «мол, Камали в обнимку с волком лежал на перевале». Я попросил Баке снять шкуру. Ты же знаешь, он специалист по этому делу. А мы с тетей Зылихой пошли готовить ужин.

– Зылиха, не забудь подоить козу, а то у нее вымя лопнет. Эта коза не меньше коровы дает молока, – сказал Балгынбай.

– Какой ты, Балгынбай, многословный, и всегда преувеличиваешь. И коза и корова дают молока столько, сколько их организм способен.

– Зылиха, ты опять злишь меня, я думал, ты меня поддержишь, а ты, наоборот, делаешь посмешищем перед Камали, что мне делать с тобой?

– Тетя Зылиха, вы не обращайте внимания на Баке, на такое его поведение, мы все его любим и уважаем, – сказал я.

– Камали, ты прав, пока мы с ним ссорились, он уже снял шкуру волка, даже обработал ее глиной и завернул, и закопал волка.

– Тетя Зылиха, я схожу за зайцем, которого застрелил, всё же добыча моя, а не его, здесь рядом, я мигом принесу.

И я пошел в ту сторону, где застрелил зайца. Место нашел, и кровь еще свежа на месте, где лежал заяц, а его нет. Вот звери какие хитрые – оказывается, волк был не один, было двое, а может, больше, повезло мне, второй отвлекся зайцем, раз не пошел следом за тем, что напал на меня, и всё же мне помог или помогли неизвестные люди, просто повезло, и спасибо Всевышнему, направил ко мне Балгынбая и Зылиху.

Так, разговаривая сам с собой, я возвратился к месту костра, где хлопотали супруги. Первым меня заметила Зылиха:

– Камали, где заяц?

– Наверное, звери утащили, пока я лежал без сознания.

– Нет, мясо зайца скоро будет готово. Когда ты рассказал свою историю с волком, Балгынбай сходил и принес зайца, он ведь сам маленький, а туша зайца ему как туша барана, – громко рассмеялась Зылиха, и я поддержал ее.

В этот момент подошел Балгынбай:

– Вы что смеетесь надо мной? Если я вовремя не пошел бы, вы бы остались без ужина. В моем жилище кто-то оставил свои вещи, что интересно, оставил деревянную ногу, окутанную разными ремнями, я нашел его котомку с едой, там свиное сало, несколько бутылок спирта, хлеб и много другой еды.

– Это мой друг, бывалый охотник, инвалид войны, односельчанин Зырянов Игнат. Вот видите, Баке, друзья должны быть только такими. Узнал, наверно, у Макташа, что я один пошел на охоту, и примчался.

– Камали, я опередил тебя и принес тушу зайца, а моя Зылиха тоже успела приготовить еду, сегодня наша трапеза будет отменной.

– Где Балгынбай аксакал, там всегда всё в порядке, не так ли, тетя Зылиха?

– В целом да, но присматривать за ним надо, слепо ему верить нельзя, – ответила она.

– Вот видишь, Камали, не зря в народе говорят, что жена – враг, – подытожил Балгынбай.

Этот спор длился бы долго, если бы не приехал Игнат. Все поздоровались с ним, я помог ему слезть с лошади, Балгынбай придерживал лошадь. Зылиха успела накрыть на стол, но предупредила мужчин, что мясо зайчатины скоро будет готово, а пока вытащила из коржуна Балгынбая сваренное мясо, которое дала жена Тарана Ашкен.

– Вот женщина, что ты наделала? Они охотники, всегда добудут мясо, здесь много дичи, и марала могут добыть, это двум ярым охотникам как плюнуть, так ведь, Камали?

– Это точно!

– Послушайте, я хотел спросить у вас, вы не видели моего волка? Я его оставил охранять наше жилище, – вмешался Игнат.

– А ты сам-то где был? – вопросом на вопрос ответил Балгынбай.

– Я поехал к тебе, но по дороге хотел узнать, заготовители сена не оставили ли моему коню стогов сена, – продолжил Игнат, – повернул в сторону фермы, в этот момент грянул выстрел, сразу понял, что это Камали, услышав звук его берданки. Узнав, что мой друг охотится на зверя, успокоился и поехал дальше, и недалеко увидел скирд сена. Не стог, а целый скирд. Обогнув поляну, заехал к тебе. Пока я слез с лошади, пока, скача на одной ноге, перенес

вещи… в общем, я здесь. Видя вас всех, я обрадовался и удивился, как здесь оказались уважаемый Балгынбай с супругой, – сказав так, подошел, подпрыгивая, к Зылихе, обнял ее. – Теперь, я думаю, мы в полном составе, денек отдохнем и начнем охоту на волков. Да, Камали, чуть не забыл сказать, председатель колхоза «Красный Восток» увеличил вознаграждение: за одного отстреленного волка три барана, а за пять волков дадут коня.

– Камали, Игнат, тогда, может, и я останусь с вами, нам с Зылихой впервые выпадает такая возможность малость подзаработать за счет вас, мы не будем обузой. Я по хозяйству буду ответственным, а Зылиха будет готовить, в общем, мы с ней возьмем в свои руки ваши заботы по быту, а вы спокойно будете охотиться на зверей. Ну как мой план, а, ребята?

– Я согласен. Как ты, Игнат, на это предложение смотришь?

Тот ответил:

– Значит, мы стали компаньонами, одобряю!

– Джигиты, спасибо! Зылиха, достань из моего коржуна бутылку водки, нам в дорогу дал сын Тарана Жетай, очень добродушный парень, по характеру с отцом совсем разные, вы же знаете Тарана больше меня. А, да, Камали, извини, ведь он твой родственник, малость нелюдим, а дети пошли в мать, да ладно, я что-то не то стал балакать. В общем, Зылиха, тащи всё, теперь мы одна семья.

Ужин получился на славу, все повеселели, много было съедено и выпито, много о чем поговорили, и наконец Игнат начал собирать со стола объедки пищи, кости зайца, кости от мяса, переданного Тараном Балгынбаю, поговаривая про себя: «Вот теперь и ты, серый, будешь сытым, будешь бдительно охранять наш сон». Я тут вдруг понял, что застрелил и добил штыком волка Игната, но как сказать ему? Вот и мучился. Здесь пришел на помощь Балгынбай:

– Игнат, не собирай остатки, Зылиха сама уберет. Камали, я расскажу ему о случившемся, можно? Игнат, от твоего волка осталась только шкура, я ее обработал, сейчас сушится, – и рассказал, как всё было.

– Камали, ты не виноват, на твоем месте любой человек поступил бы так, ведь мы пришли охотиться на волков, и ты это сделал, – откликнулся Игнат. – Одно обидно, пока волк был собакой, я сделал многое, придется всё начинать с начала. Давайте, друзья, выпьем за упокой моего верного друга.

Так и сделали, а после не стали поднимать разговор на эту тему. Тот вечер и ночь закончились таким печальным образом. Хотя Игнат простил меня, но потеря верного друга корежила его. Он был в таком состоянии, как будто потерял вторую ногу. Теперь остается всё делать самому, пока не воспитает второго волчонка. С этой надеждой он заснул только под утро. А я почти не спал, куря самосадку, винил себя, почему не догадался, что настоящий волк не мог, во-первых, так близко подпустить меня, во-вторых, услышав выстрел и увидев подстреленного зайца, не пошел за добычей. Сам себя успокаивая, заснул только под утро. Так бывает в жизни, на ошибках учатся.

– Зылиха, что ты там копошишься, что ищешь? – повел разговор Балгынбай с женой утром.

– Ищу заварку, вчера вроде бы здесь оставляла.

– Не по годам стареешь, ты ведь сама своими руками передала мне «кирпичку».

– Балгынбай, ты извини меня, просто забыла, всю ночь не могла заснуть.

– Наверно, тебе жалко стало «собаку», не думай об этом, а то заболеешь. Теперь подумай: помнишь, когда фашисты женщин травили овчарками, если бы я вовремя не успел, то она бы тебя загрызла. Что ни говори, зверь есть зверь, как его воспитает человек или сама матушка природа, так и будет действовать. Так что ничего не попишешь.

– Верно говоришь, Баке, если бы не ты, она бы действительно загрызла меня, спасибо тебе. А потом фашисты как издевались над тобой. Ладно, ладно, забудем, никто нас не знает, кто мы такие, что мы до этого делали, пусть пока будет так, дальше сама жизнь подскажет, как действовать, так что поживем и посмотрим.

– Да! Зылиха, я хочу поделиться с тобой одним секретом. Мне жалко Камали, он так страдает, что убил «собаку» Игната, а я скажу тебе, что он только ранил его, а на Камали напала волчица, которая наблюдала за происходящим. Она могла убежать, конечно, но было некуда: если идти вперед – там Камали, а назад – пропасть, зажатый зверь был вынужден был напасть на Камали, хотя очень редко волки открыто нападают на человека. А здесь выбирать было нечего, как говорится, пан или пропал, и напала. В результате воткнулась, как кусочек мяса на шампур, на штык Камали.

– Ты что, бредишь? Откуда всё это взял, что видел, что ли?

– Видеть не видел, а у меня есть доказательство.

– Что за чушь, доказательство он имеет, и так все говорят, что Балгынбай брехун обманщик.

– Зылиха, ты тоже так думаешь? Да? Тогда не о чем говорить.

– Ладно, скажи, что ты знаешь?

– В общем, так. Когда я снимал шкуру волка, то увидел, что много сосков в шкуре, это значит, Камали убил волчицу, а волк Игната от полученной раны сбежал в лес, чтобы отлежаться, рану залечить. Я думаю, скоро объявится.

– И ты молчал с тех пор? Вот даешь!

– Давай сделаем так. Сперва расскажем Камали, он так переживает. А там решим, как действовать, договорились, да, Зылиха?

– Я знала, что мой Балгынбай очень умный и предусмотрительный, и, конечно же, очень терпеливый.

– Хвали, хвали, если от всего сердца, то приму, даже скажу спасибо, моя ненаглядная женушка. Игнат тоже переживает. Если бы другой застрелил бы его волка, не знаю, что бы он с ним сделал, убить не убил бы, а хорошенько поколотил бы. У него рука тяжелая, наверно, силы отсутствующей ноги перешли в его руки.

Оба посмеялись и некоторое время сидели в тишине.

А в это время мы с Игнатом сидели в укромном местечке, ожидая зверей. По словам чабанов, волки спускаются с гор и нападают внезапно на отару овец. Искалечив несколько животных, вырывая кусочки мяса с их тел, глотая их, они исчезают из поля зрения. В основном они возвращаются в горы, в лес, а там их ждет потомство. Вернувшись к себе, вырвав из желудка кусочки мяса, кормят волчат. Охотники знают, что с тяжелым желудком волки идут тяжело, не бегая. Вот тогда охотникам везет, прицеливаются не торопясь и наверняка, удача у них, есть трофей. Вчера и сегодня охотники не увидели ни одного зверя, хотя приходили к ним гонцы, что волки напали на две отары и нанесли ущерб колхозу на несколько голов овец. Оказывается, охотников ругают, мол, чем они занимаются, не уничтожили за несколько дней ни одного волка. Даже просили чабанам выдавать оружие, а это было под запретом, тем более после войны.

Мы с Игнатом возвратились в каменный «дом» в сумерках. Возле костра, как всегда, копошились Балгынбай с Зылихой, они готовили ужин. Я передал несколько подстреленных зайцев Зылихе.

– Камали, опять приходили чабаны, им покоя не дают волки, говорят, вчера вечером прямо у двери кошары стащили двух хромых баранов. Говорят, что они так обнаглели, не боятся людей. Игнат, и ты иди сюда, садись, – Балгынбай указал на пенек возле огня. – Так не пойдет, вы ждете зверей здесь,

а они перехитрили вас. Поэтому вы должны быть вместе с чабанами, и тогда посмотрим, чья возьмет.

– Ты правильно кумекаешь, Балгынбай. С завтрашнего дня так и поступим, а вы с Зылихой будете хозяйничать здесь, заодно присмотрите за нашим хозяйством, – ответил Игнат,

– Что верно, то верно, мы согласны, – подтвердил я.

Зылиха что-то шепнула мужу на ухо, и тот, внимательно нас оглядев, произнес вслух:

– Пусть сначала они покушают, а ты принеси горячительного, потом им всё расскажу.

– Как скажешь, Баке, – она вышла из шалаша, обогнула его и в своем тайнике достала бутыль спирта, оглянулась по привычке, тайник привела в порядок и вернулась. Мы жадно ели, у обоих в руках по полтуши зайца, а Балгынбай сидел напротив и ждал Зылиху, чтобы сообщить, что «собака» Игната жива и, как рану залечит, вернется домой.

– Ты что, Балгынбай, кажись, обещал что-то сказать?

– Да!.. Нет... но хотел... передумал, Игнат.

– Тогда я расскажу, – вмешалась Зылиха. – Балгынбай сомневается, а вдруг не так, вдруг ошибся. В общем, так: когда он снимал шкуру волка, то увидел несколько сосков. Он работал машинально, увидел, но не придал этому значения. Сняв и обработав шкуру, направился к шалашу, но вдруг как ошпаренный побежал обратно и как сумасшедший начал переворачивать склизкую, мокрую шкуру, залепленную солью, искал соски и обнаружил, и только утром он мне рассказал, что это не волк, а волчица, по его разумению, значит, на Камали напала настоящая волчица, на такое способен лишь загнанный зверь, а волк Игната на такое не пойдет, так как он не настоящий волк, а одомашненный.

– Подожди, Зылиха, я сам продолжу, – успокоил ее Балгынбай, – и расскажу, как было. Короче, Игнат, твой волк жив и здоров, как заживет рана, он вернется, а ты, Камали, родился в рубашке, Бог спас тебя, я никогда не слышал, что волк пойдет на такое дерзкое нападение на человека, опять-таки, можно и зверя понять, тоже хочет жить, откуда знать ему, что покушался на жизнь опытного охотника по имени Камали.

– Баке, не подхалимничай, кроме того, что мы обещали, больше не получишь, – улыбнулся я.

– Как ты догадался, Камали, что я хотел под шумок увеличить свое состояние? Я видел и богатство, и нищету. Меня ничем не удивить, но несколько баранов и две-три лошади в моем хозяйстве не помешали бы, как думаешь, Зылиха?

– Живем в наше время в землянке, хотя мы с Балгынбаем тоже повоевали с немцами и имеем ордена и медали. Коротков и Лупонич обещали построить домик, но обещанного три года ждут, а мы ждем целых десять лет, нам-то ладно, мы почти не живем в конуре, а вот Кошкинши с Бактыбала, с четырьмя детьми, тоже обитают несколько лет в таком же жилище, как и у нас, детей жалко, нам-то что. Сперва им надо добротный дом, а после нам, если Бог даст. Так что ваши подаренные живности пусть у вас будут, надо будет, попросим, сейчас нам не до хозяйства, если мы не сможем их содержать. Спасибо вам за доброту. А теперь отпразднуйте, Игната любимая «собака» жива и здорова, скоро они воссоединятся, поднимите свои граненые стаканы стоя.

Все, кроме Игната, выпили, а Игнат стал на одно колено, держа в руках свой деревянный протез. Только сели, что-то зашуршало, занавеска, повешенная на входе, приоткрылась, и оттуда появилась серая морда. Все сидящие смотрели, затаив дыхание. К проему первым дошел Игнат, хотя и на одной ноге, и к нему в объятия бросился его любимый волк. Невозможно описать – слезы, смех, радость всех, я вдвойне был рад, что не убил, а ранил собаку друга, во-первых,

а во-вторых, реабилитировался перед Игнатом – собака собакой, а друг детства дороже. В ту ночь мы почти не спали, много ели и в меру употребляли спирта, и «собака» Игната тоже много ела, сперва глотая кусками зайчатину, а когда насытилась, стала грызть кости...

– …Камали, что ты гонишь? Зачем мне все эти байки? Что, я не знаю Балгынбая с Зылихой или твоего хромого друга Игната? Балгынбай – сказочник, врун. Они с Зылихой одинаковы: один врет, другая подтверждает. Как говорится, муж и жена одна сатана. Я давно добиваюсь, что узнать об усопших, которые лежат на сопке, ты вроде сказал, что они дальние родственники Балгынбая, начал было расказывать, а после ушел в другую степь.

Я не верю ему. Однажды он мне сказал, что слышал от Шишкина, что в Баселее видел медведя, якобы давно там обитает, никогда никто не говорил, что там медведь. Я у него переспросил:

– Баке, ты говоришь правду? Это ведь совсем рядом с Ешколгоном, не может быть.

– Ты что, мне не веришь? Тогда спроси у Зылихи.

Что мне оставалось? Ведь я охотник, но редко попадались на мою мушку медведи, а ты вот прославился, застрелив нескольких. Имеются свидетели, вроде Чокни и Саманхан, они авторитеты села, если они скажут, что Камали застрелил слона, люди скажут – он может. В общем, я пошел в их землянку и застал семейку за чаем, я ведь ростом, как и Балгынбай, метр с кепкой, как говорится, довольно просторно сел за стол, угостили, вернее, поделились ужином, а когда я собирался уходить, Баке спросил, зачем я пожаловал к ним, это казахский обычай, перед уходом из дома спросить.

Я этого и ждал и обратился к женгей:

– Тетя Зылиха, правда ли, что Шишкин видел медведя в Баселее? Если ему сказал бы Горохов, я бы не поверил, он ведь врун, шайтан, а Шишкина я уважаю.

– Камза, Баке не врет. Шишкин даже описал ему берлогу зверя, – ответила Зылиха.

На следующий день я, взяв с собой Тошантая, отправился в Баселей, медлить нельзя было, выпал первый снег. Этому природному моменту казахи дали название «Кансонар». Значит, период охоты начался. Звери скрывать следы не могут, и путать охотников не смогут, так как кто прошел по первому снегу, не может скрыться от пули охотника. В тот день на снегу будет видно много крови, «кан» – значит кровь. Вечером мы были на месте, нас встретил скотник Сакабай со словами:

– Каким ветром тебя занесло в эту глушь, брат Камза? Честное слово, не ожидал.

– Ты интересный, Саке, это ведь Камза, для него времени не существует, когда захочет, тогда приедет.

– Эй, байбише, прикрой дверь, а то в избе похолодает, после скажешь свои комплименты, не видишь, они наверняка замерзли и еще, наверно, проголодались. Видишь Тошантая, он еле держится в седле? Ездит с Камзой на пару в такую погоду.

Этими словами Сакабай задел Тошантая.

– Зятек, ты всё говоришь и говоришь, лучше помоги мне слезть с лошади, у меня руки и ноги отекли. Знаю, с непривычки, а брату Камзе не привыкать. Он, как серый, может скакать сутками, без передышки.

– Всё! Прекратите эти разговоры, я ведь тоже человек не железный, тоже хочется полежать на кровати в теплой избушке, потягивая с граненого согревающий напиток, а вы пустыми словами тянете время и не даете мне получить это удовольствие.

– Каке прав, заходите в избу, а я устрою лошадей. Если не накрыть их теплой кошмой, они до утра не доживут, окаменеют. Вижу, вы чуть не загнали их. – Бормоча на ходу, Сакабай повел устраивать лошадей. Казахи издавна уважали домашних животных. Даже при встрече сперва спрашивали, как живность, а после обращались к вам, как мол ваши дела, живы ли, здоровы, как супруга, дети.

Когда Сакабай зашел в избу с холодного воздуха, гости сидели за дастарханом, пили круто заваренный женгейкой ароматный чай. Ему в глаза сразу бросилась такая картина: дастархан полон еды – женгей успела согреть вареное мясо, чтобы, не утомляя гостей, быстро накормить, а заодно в казане варилось свежее мясо.

– Саке! Пока тебя не было, мы уже успели подкрепиться, женгей утешила, что ты одобришь ее деяние, но я говорил ей, ведь неудобно без хозяина, – стал оправдываться я.

– Она у меня такая, байбише, сам вижу, чего-то не хватает на дастархане, Вроде ничего не забыла, вот мясо, вот бутыль со спиртом, вот бауырсаки, курт и иримшик, вроде всё положила, а граненый стакан забыла для меня, – улыбнулся Сакабай.

– Вот видишь, о чем я и хотел сказать. Скотники, чабаны, табунщики на отдаленке с радостью встречают любого приезжего, будь он молодым, пожилым, знакомым, незнакомым, любой национальности. Путник есть путник: если человек замерз, его согреют, голодный – накормят, это в крови казахов, – поддержал его я.

Та ночь была длинной. По приходу Сакабая в избу Тошантай проснулся, я протрезвел, к нам присоединилась и женгей после хлопот домашних. Делились новостями, узнавали, кто ушел на тот свет, кто создал семью и с кем. Заснувших за дастарханом, женгей укрыла нас одеялами. Сами хозяева, убрав дастархан, тоже присоединились к нам.

Животноводы рано ложатся спать, зато чуть рассвет, они уже на ногах: женщины доят коров, овец, мужчины выводят лошадей и коров на водопой, затем кормят их, а когда разберутся с животными, готовят завтрак, короче, ухаживают за хозяйством. И в это утро все проснулись чуть свет, в знак гостеприимства Сакабай поухаживал за нашими лошадьми, напоил их, ясли пополнил овсом. После завтрака спросил:

– Камза, расказывай, зачем приехали? Есть ли просьба, не стесняйся, чем можем, тем поможем, если не сможем, если не в силах, то не обессудь.

– Саке, мы пришли к вам вот по какому вопросу. В селе прошел слух о том, что некоторые сельчане видели рядом с вашей фермой медведя, и даже берлогу, куда он заходил и выходил. Ты же знаешь меня, я пока своими глазами не увижу – не поверю, и хотел убедиться. И вот мы с Тошантаем здесь, в гостях у тебя. В Баселее не должно быть места этому зверю, так как это место почти рядом с населенным пунктом, много людей, а медведь любит тишину, не делит свою территорию с другими зверями, даже с человеком. Сельчане приходят ко мне за разъяснениями, боятся за своих животных, так как это место – летнее пастбище их домашних животных, и если завелся здесь медведь, то...

– Я понял, Каке, люди правду говорят, да, рядом, за той сопкой, в своей берлоге находится медведь, иногда мои сыновья Ансаган и Енсеген его водят на водопой и кормят каждый день, они подружились.

– Ты что говоришь, Саке? Ты так спокойно говоришь, как будто они общаются с собакой или с кошкой. А если...

– Никакой не если, – сказав так, Сакабай начал смеяться, от смеха слезы потекли по лицу. Я и Тошантай в шоке, никогда не видели таким Сакабая, еле остановился.

– Камза, не думай, что я сошел с ума, нет, со мной всё в порядке.

– Не думаю, Саке, если не докажешь – не поверю.

Сакабай, протерев платком слёзы и глубоко отдышавшись, рассказал историю про «медведя», которого видели сельчане:

– Слушайте, дорогие мои гости, всё началось так. В прошлом году одна телка повредила ногу, по этой причине не смогла быть вместе со стадом. Опекунами стали мои сыновья, рядом за сопкой нашли заброшенную землянку, когда-то построенную Камали, где-то залатали, привели в порядок. Там и находилась тёлка. Зимой ей надевали тулуп, мы помогали надеть. Очень была похожа на медвежонка, редко выходила из своей «берлоги», но всё равно засветилась. Здесь зимой и летом много прохожих, зимой отсюда возят сено, дрова сельчане, что-то утаить почти невозможно от людских глаз. Веришь или не веришь, вот вся правда, – так закончил эту историю скотник Сакабай.

Я после на сходе сельчан рассказал о медведе на ферме Баселей, а ты, Камали, всё тянешь о разговоре между тобой и Балгынбаем. Не знаю, как ты держишь всё в себе, не лопнув.

– Каке, я люблю рассказывать всё по порядку, дай мне закончить историю, как нас воры за нос водили, невинных зверей дали отстреливать. Когда я говорю, не перебивай, договорились? Пока не затрону разговор, кто захоронен на перевале, кто бы ни был, а сперва расскажу о поступке Балгынбая, который он организовал и осуществил...

Вечер был как обычно, я пришел с охоты чуть раньше Игната. Балгынбай с Зылихой уже собрали дастархан, ужин был подан. Игнат вернулся с охоты хмурым, трофеев не было.

– Игнат, не печалься, я тоже не добыл зверя, как будто сговорились не попадаться нам на глаза, – сказал ему я.

– Я тоже хотел об этом побалакать с тобой, – оживился Игнат.

– Охотники, сперва поужинайте, а то еда остынет, а после наговоритесь, ведь ночь длинная, – предложил Балгынбай.

После ужина втроем вышли на улицу, на перекур, а Зылиха осталась в гроте убирать со стола.

– Каке, если можно, я продолжу прерванный разговор. Я в недоумении. В прошлые годы охотники получали информацию от чабанов, что на их отару напали волки. Мы шли к ним на помощь, добывали их, видели своими глазами, что волки растерзали овец. А сейчас нам сообщают только о факте, а туши растерзанных не видим и, что интересно, и волков не видим.

– Ты прав, Игнат, здесь что-то нечисто. Два дня тому назад мы ведь получили информацию, что волки напали прямо днем на отару чабана Орынбека, который якобы родственник бригадира Тимура. А сам он близкий человек председателя колхоза Мустафина. Что интересно, даже твоя «собака» не привлекла волков, как раньше, когда за ней шли волки, а нам оставалось только отстреливать их.

Здесь в разговор вклинился Балгынбай, до этого слушавший наш разговор, не перебивая:

– Камали, Игнат, я слушал ваш разговор и тоже хочу рассказать вам. Мы с Зылихой, как попрошайки, бываем в домах у разных людей. Они, как обычно, не замечают нас и в нашем присутствии делятся секретами, сплетничают. Если бы вы не упомянули в разговоре об Орынбеке, я бы не вмешивался.

– Баке, что ты тянешь, говори, о чем хотел нам сообщить?

– Игнат, не дави на него, давай выслушаем его.

– Баке, извини, если можешь, я сегодня не в духе.

– Ничего, мы привыкли к унижениям со стороны людей имущих, как собакам, кидают кости. Да ладно, всё ничего, мы здесь с вами так долго находим-

ся благодаря вашему гостеприимству, нигде не задерживались так долго. Вы вдвоем очень добрые люди, я понимаю вас, вы хотите сохранить собственность государства. Вы любите свою родину и казахстанский народ. Вы хотите, чтобы люди жили в достатке. Это ваше желание, а другие думают об обратном. Они хотят, чтобы всё было только у них. А таких людей в колхозе много. Вот и Тимур, и Орынбек не местные, они переехали из Зыряновска, а туда откуда попали – неизвестно.

– Вот, Баке, даешь. Если ты вхож к ним, то давай поиграем. Завтра иди к ним, если спросят, зачем пришел, то скажешь, что к нам, то есть к Камали и Игнату, относишься недоброжелательно. Мол, разрешите остаться у вас на некоторое время, мол, обузой не будем, будем помогать по хозяйству, в общем, лапшу навешаешь на их уши. Я знаю, ты можешь это сделать, денек поживешь, разузнаешь, о чем они говорят, с чабанами побалакаешь, вроде так.

– Игнат, я истинно хочу хоть одно хорошее дело для своей родины сделать. До этого момента я не думал о родине, и родина мне ничего не дала, жили как бы врозь. А пообщавшись с вами, я понял, как вы печетесь о родине, о народе. И я хочу быть, как вы, и внести свою лепту в помощь своему народу. Как справимся с этим особо важным делом, пойду в правление, подам заявление, напишу, что хочу быть полноправным членом колхоза. Мне еще жить да жить, пятьдесят лет – разве годы? И продолжу бороться с несправедливостью, как все в Казахстане.

– Всё, хватит, остановись, ишь разогнался!

На следующий день после завтрака, взяв свою котомку, Балгынбай двинулся в путь, вернее, в «гости». Как никогда, он был в приподнятом настроении: через час-другой он уже будет на месте, где всеми силами, проявляя осторожность, возьмется за выполнение задания. Мы с Игнатом до сих пор не могли прийти в себя после беседы с Балгынбаем.

– Камали, что вчера было с Балгынбаем? Какая муха его укусила, ты не знаешь, Каке? Он непростой человек, по его словам видно. Ты говоришь, что он был единственным сыном крупного скотопромышленника, что Советская власть жестоко обошлась с его родителями, уничтожила всех, что он остался жив благодаря учебе в городе. А дальше и он мне как-то рассказывал. Теперь мы знаем, кто он, а то остался бы в нашем сознании как Балгынбай-попрошайка. А что мы знаем о тете Зылихе? Знаем, что они познакомились в концлагере в Германии и с тех пор неразлучны. Как я понял, они живут в свое удовольствие, никто не командует, никому не отчитываются, куда захотят, туда и идут. Народ их любит и уважает, подаяние дают, помогают одеждой. Думаю, они этой ролью довольны.

– Не знаю, Игнат, если бы заглянули в их мысли и душу, тогда бы узнали. По-моему, до сегодняшнего дня они таили злобу на нашу власть, ведь Советы довели его. Может, были у него мечты, планы разные, а их в пух и прах уничтожили. А сейчас на него подействовало наше поведение, мы с тобой ему показали пример, как любить родину и свой народ, понял, что времена изменились, оценил всё до мелочей. После всего решился начать новую жизнь. Вот так-то, брат Игнат...

– Камали, ладно, я поверил тебе, убедил, что Балгынбай истинный казах, ты даже сделал его патриотом нашей родины, но ты меня водишь за нос. Сколько раз спрашиваю, не сказал ли он, кто захоронен вот здесь, где мы с тобой сидим и приводим в порядок, ухаживаем за этой могилой.

– Ладно, скажу, но не злись на меня, как получишь ответ.

– Что я, полоумный? При чем здесь ты, зачем я должен злиться на тебя?

– Дело вот в чем: он, оказывается, пошутил над нами. Ничего больше нас он не знает о здешнем захоронении.

– Каке, ты столько дней молчал, не отвечал на мою просьбу рассказать, что знает Балгынбай, а теперь на... сюрприз... получаю ответ от тебя, что он пошутил! Разве можно так шутить? Если я его увижу, ей-богу поколочу.

– Наверное, не сможешь, так как теперь он член колхоза, человек авторитетный, сельчане собрались и построили ему добротную избу. Теперь Балгынбай с Зылихой в почете. Пока тебя не было, произошли такие перемены. Теперь дай закончу разговор, прерванный тобой, как Балгынбай успешно выполнил порученное нами задание. Орынбек и еще несколько чабанов были осуждены. Оказывается, они составляли акт, якобы овец задрали волки и их отправляли на базары городов Семипалатинска, Зыряновска и Усть-Каменегорска. Эту организованную группу разоблачили благодаря полученной от Балгынбая информации. Конечно же, нас тоже не забыли, наградили медалями и дали премию.

– Камали, ты рассказал историю, которая произошла, когда меня не было с тобой. Ты честный, добрый и, конечно же, отличный охотник, мы охотники, «егери» родной земли, мы и «санитары» не хуже хищных зверей. Я тебя сделал заядлым охотником, думаю, не жалеешь, что стал как я.

– Эй, брат, куда клонишь, что этим хотел сказать? Говори.

– Твой рассказ о волчице, о Балгынбае, как вместе с Игнатом охотились, я выслушал внимательно, но ты до конца не договариваешь, в том месте, как ты, опытный охотник, попал в ловушку зверя, и как лютый, хитрый зверь при броске на тебя угодил на твой штык, и как ты успел направить штык за такое время, скажем, в мгновение, на зверя.

– Ты, брат, задел меня за живое, ковырнул болячку. Я думал, всё знаю о зверях, тем более о волках, себя считал специалистом, вроде изучил все их повадки, вроде знал, в какую сторону направится при ранении, может ли напасть на охотника, в общем, считал себя гением в этой области, а после случившегося у меня появились сомнения. Они оказались хитрее и умнее меня и за жизнь борются не хуже человека. Я осознал свой промах, не учел, что это волк. Выстрелив, я, ни о чем не думая, пошел снимать шкуру, на сто процентов был уверен, что застрелил его. Вот это первая моя ошибка, почему не подумал: может, ранил или вовсе не попал, не учел в этой ситуации поведение зверя, его защитный маневр. Если бы они были как зайцы, они уже были бы истреблены, но нет, они и сейчас, и раньше были угрозами живности населения и наносили и наносят своими коварствами большой ущерб государству, поэтому нас, охотников, попросили отстреливать именно волков. Волк после моего выстрела, вроде, виляя, скрылся за сопкой, я видел своими глазами. Ни о чем не думая, повторюсь, шел за трофеем. И вдруг… я только успел увидеть клык зверя и сразу ощутил удар, нанесенный мне в грудь. У меня была привычка – когда иду за трофеем, машинально держу рукоятку штыка, даже в быту делал так, не расставался со штыком, как грузины, армяне, чеченцы. В этот миг я ощутил что-то странное, действие извне, вроде кто-то помог мне направить острие штыка на грудь волка. Удар, полет вниз со скалы, жесткое падение на землю, и здесь, припоминаю, какая-то сила помогла выбраться из объятий зверя. Я мог задохнуться. Балгынбай пришел, когда я уже очнулся. Не знаю, мой взор был направлен на это захоронение. Что я могу сказать, брат? Может, это духи усопших? Говорят, они оберегают людей от несчастий, как бы вечные стражники вселенной, они всё держат на контроле. Дай бог, если так. Хотел этой историей с кем-то поделиться, но подумал, люди не поймут, засмеют, даже скажут, что Камали сдвинулся. Вот с тех пор, как получится, приезжаю сюда и ухаживаю за могилой. Нутром чувствую, это их дух спас меня от неминуемой смерти.